

Это отрывок из сценария полнометражного фильма, который был написан несколько лет назад, но все никак не запускался, а оттого постепенно перерос в роман.

Десять лет назад Пат и Химик лишились лучшего друга, работодателя и владельца дачи, где теперь проживали. Костромского. Познакомился он с ним лет двадцать назад, оказавшись по случаю во ВГИКе. А именно — у них жила девушка около ВДНХ, точнее девушка жила у Пата, то есть жила она в своей квартире, даже, если быть точнее, в квартире бывшего мужа, и была партнером со стороны Пата. Хитрость в том, что Пат умудрялся вести себя так, что, куда бы он ни попадал, казалось, что все в гостях именно у него и он — главный. Девушка только рот откроет — почему здесь?.. Этот бутерброд? Я его положила две недели назад, и здесь ему место. Я рисую его, пока ты дрыхнешь и храпишь. — Неужели она храпит, — спрашивает тут Химик. И Пат хлопает себя по губам, а девушку целует, но обязательно в затылок, чтоб не зазнавалась.

В те времена Пат уже скучал ходить к девушкам поодиночке — ведь они сначала хохотали, потом рыдали — и то, и другое стало уже сильным испытанием для его нервов, тем более, что ни в хохоте, ни в плаче, они не могли достойно поддержать с ним беседу. Так его спутником стал Химик, вдвоем они стали больше выпивать, а про девушек помнить меньше. Это было как раз начало того периода, когда и девушки стали к ним охладеть, но всяком случае, когда они выступали парой. Впрочем, конечно, не все, а только корыстные. Бессребреницы же, наоборот, тянулись к ним ужасно и даже искали их иногда по Москве — то в институт к Химику забредут, сразу к секретарию ректора, то будут толкаться у проходной «Мосфильма», где Пат работал, сам путаясь, кем. Одну в результате взяли в телесериал, и она преследовала Пата, называя его на мексиканский манер Патато или Патондо, до тех пор, пока он не осерчал и не пугнул ее тем, что пожалуется режиссеру.

На ВДНХ жила как раз бессребреница, которая тяготела к ним как к заводным, и они к ней с уважением, поэтому решили зайти в Институт Кинематографии, что располагался неподалеку, с мыслью купить хороших пирожных. Или, если пирожных нет (а во ВГИКе, как и на студии Горького сласти вообще-то не подразумевались с момента выезда в Ташкент в эвакуацию), то, к примеру, водочки прикупить. Им как технарям, по традиции слезки закидывающим перед чувством прекрасного, казалось, что в пленительном мире учеников по бледным телям на экране полжизни будет небольшой закуток, где извержения отщутся песочные или бисквитные изыски, лучше бизе, повторил Химик, когда они объясняли консьержке цель своего прихода. Она их хвалила за хорошее вживание в роль и пустила, сказав, что класс уже начался и завтра пусть не забывают студенческие.

Они жестоко ошиблись: кроме вокзального кофе, бутербродов с неаккуратным сыром, блodom, позорящим гордое имя «солянка», и развратных девиц, ничего они не нашли. О чем и сообщили хмуromy подростку, который сидел за крайним столиком столовой и выстраивал на тарелке из напущен некое подобие макета горючка, гордо называемое им мизансценой, когда Пат с Химиком отвлекли его с будничным вопросом о местонахождении туалета. При ближайшем рассмотрении подросток оказался не подростком, а молодым человеком, к тому же неплохо воспитанным, поскольку быстрым движением предположил Химику, минут пять как поступившему себя по всем карманам в поисках «дымки» сигарету, и Пат с Химиком увидели в нем художника. Далее Костромской (так он и представлялся) предложил им «похоронить» туалет, и срочно идти на пятый этаж посмотреть Росседини, другой возможности не будет, предупредил он сухо, уже вставая.

Костромской был худ, строг и зеленоглаз, как и Пат, но в морскую тональность. С круглыми очками, которые впоследствии, когда стал меньше читать и больше снимать, носить перестал. Из-за паты — военного инженера — он рос в дальневосточном селении, недалеко от побережья океана, трагического центрами как филоловый. Так ему повезло с солидной фактурой, к тому же немой: льды, ветры, закаты — по горизонтали, а накрест — вертикали сосен и металлических конструкций линий электропередач. Все слегка припудрено цветоточной машин и людей, лишенных в силу разницы масштабов всякой скандальности и прочих дурных привычек. Здесь бродила разнокалиберная толпа мыслей маленького Костромского, как герои пока непонятного и тождстого романа, многие из них были знакомы друг с другом, но иные даже и не раскланивались. Ему нравились статуйность природы, не предполагающая разменивания на пустяки, а такие ясные формы, прямые линии и здоровая контрастность света и тени, и — как следствие — он был добродетелен, чем доводил своих втикнувших товарищей до икоты.

Начав снимать, он занялся копнишней передвижников. Это была дань (кавычки в виде зачехленных) эпизоду в раннем отрочестве под названием шишинские «мышки в лесу». Информация о том,

что на фантине — серьезная картина, а не случайная мазня, задела его в старшей группе ясельнастойко, что он выменял у своих соругруппников все конфеты на шоколад, и долго стоял в коридоре в растерянности с этим мешком, не зная, что делать дальше. Позже с ним случилась совершенно романтическая история: восемь лет он передал отцовский фотоаппарат в кинокамеру, склеил из фотопленки (другой не нашлось) рулон и стал снимать лес. Специально ездили на химический завод за пятьсот километров, чтобы проявить. Потом выяснилось, что нельзя посмтреть — кадры в фотопленке горизонтальные, а в кино — вертикальные. Отец купил ему спиннинг, чтобы отвлечь.

И во ВГИКе он занимался точным воспроизведением шишинских пейзажей. Потом — вместе при Пате с Химиком — перешел к Левитану с его грачами, и это была каторга: Пат таскался по деревьям с кошелками ворон, пытался их выдать Костромскому за грачей; бабки обзывали его китайцем. Грачи улетали, а не прилетали, как того требовал сюжет фильма.

Марина ДРОЗДОВА Саша КИСЕЛЕВ

О ВАМЯНИИ СТЮАРДЕСС НА МИРОВОЙ КИНОПРОЦЕСС

Почему Костромского зачаровывала простота копии? Ему представлялось, что таким образом он совершает акт гармонии, помогающей природе, которая сидит, сложив руки, неприбранная, явить вдруг собой известный идеал. Авторская позиция отдавала смирением.

Так, в фильмах его (он успел снять четыре до катастрофы на премьеры пятого) балернины трепетали листья, стояли дубы или осыны с искривлением позвоночника, дулись друг на друга элины, истории были каллиграфичны, и лишь хитроумные понимали, что они имитируют сюжеты, давая повод одному пейзажу смениться другим. Фильмы пользовались успехом, сделали новую волну и дали эпитетов. Модным оказалось то, что в них нет ни бури, ни натишки, а лишь безмятежность и литературность кустов, и тропинок. Стиль был назван и «новой естественностью», и «новым натурализмом». В общем, повезло.

Трагический пятый сценарий был нехорош, но в то же время представлялось очевидным, что от него никуда не деться. Писали его два три соавтора, поэтому текст страдал размножением личности, интрига жила одновременно на разных этажах. Он хотел снять прибрежные речные пейзажи, а ему подсовывали модернистскую убийцу — водяную лыжницу, которая оказалась персонажем столь выразительным, что тянула пейзажа за собой под воду. Название омерзительное — «История, которая пишется на пляже». Сюжет противный — литературовед до слез ревнует свою жену, узнав, что она изменяет ему, с кем с ним же самим, страдающим, вслед за сценарием, раздвоением личности и стриптизом некий романчик в маминной квартире. Только потом Костромской подумался, что более чем странное поведение героя связать с тем, что никто из соавторов не читал написанного коллегам.

Как будто все сговорилось сделать из Костромского пошлого киношника. Но деньги на производство нашлись неожиданно быстро — сценаристы были непрофессионалами, поэтому дома не сидели, а таскались по Европе, кто перепродавал картины, кто просто так — «по делам», и где попадали отыскивая критики, которые повернутся, и денежки каплют, да прямо тебе в чашку. И денег этих отчего-то не переводилось.

Костромской отчетливо чувствовал, что его дураят, но где именно, понять не мог. А увидев раз, как на съёмочную площадку привалила группа уголовно-богатого вида людей (охранники, смокинги, галстуки от Кардена) и заискивающие просят что-то у невзрачного Метелицы, который как раз подметал в уголке пол, а тот кивает на Пата, а Пат отсылает их вон презрительным мановением руки, а те смиренно уходят, пятясь и в полупоклоне... — Увидев эту сцену, Костромской дал слабину и решил ее не замечать.

Окрутили. Сладили дело за спиной. Так пришлось Костромскому ехать выбирать натуру, а это дело он любил. Маршрут прокладывал Химик. Костромской доверял его мякую, пушистую, молчаливую голову. По пути от одной натуры к другой друзья, не мысля плохого, привели его к альбиноске Лизе, к вьетнамцу гербарню, а не девушке, к его, как выяснилось, погибели, которая приехала как раз на премьеру.

Лис села на первый ряд, где, привольно вытянув ноги, уже расположились Пат с Химиком. Она была в черных очках. Потас свет, но очки она не сняла. — Что это ты? — удивился Химик. — Форсит, — бросил Пат. — Сейчас нам блеск прекрасного начнет глаза слепить, а девушка нам поводитирем...

Сам он тем временем сполз с кресла и скрючился над чем-то под экраном. Там на полу располагалась спиртовка, которую он зажег и пристроил на пламя тиглиек с порошком ясного белого цвета. В луче проектора высветился аккуратный, прямыми, дымок.

— Кто там курит? — раздраженно спросил женский голос, но тут пошла музыка, и Пату удалось вернуться на место незамеченным.

— Ты что задумал? — шепотом спросил Химик,

принюхиваясь к дыму.

— Нехитрый химический эксперимент над группой эстетов, — понес свое Пат. — Первый показ а как понахожат нашего, так, глядишь, и понравится. Что я? Все для благодетеля.

— А где Костромской? — Лис, обернувшись, изучала зал.

— Бери выше, — ответил Пат, махнув в сторону аппаратной. — Все сам, неугомонный.

— Что-то душно, — Химик расстегнул очередную пуговицу на рубашке.

— А я вентиляцию перекрыл. Что ж добру пропадать? И пожарную сигнализацию на всякий пожар... О, смотрите-ка, каламбур получился!

Тут на экране что-то скануно и кадр пошел не в рамку.

— Сапожник, — резюмировал Пат.

Лис совершенно отвернулась от экрана, а на нем как раз была она же, и теперь обе смотрели в одну сторону: пытались рассмотреть свозы маленькие окошечки, что же там творится в проекционной. Лис в зале явно нервничала и даже стала тереть губы.

Тут кадр сменился, и зал взорвался аплодисментами.

— Действует, — Пат поудобнее разлегся в кресле. — Да меня и самого что-то... В сущности неплохой фильм получился.

— Надо немедленно остановить это, — неожиданно громко сказала Лис. — А то будет кошмар.

Сквозь окошки было видно, как Костромской ставит на аппарат следующую часть.

В этот момент что-то опять хрустнуло, звук превратился в изображение на экране остановилось: пленка застряла как раз на крупном плане Лис. Ее лицо на экране меньше секунды оставалось неподвижным, затем черты дрогнули, поплыли, пленка пошла пухляки и вспыхнула. Свет в зале не зажегся, и пачина проросходила почти в полной темноте, освещенной только постепенно разгорающимся заревом в аппаратной. С треском лопнуло стекло.

Коридор был полон дыма, уже бежал кто-то с огнетушителем, в распахнутой двери аппаратной шумело пламя. Химик ринулся туда, но Пат повис на нем, как раненый на медсестричке.

Что-то грохнуло и свет погас. Горело только маленькое зеленое табло над какой-то дверью «выход».

Прошло десять лет.

Наутро был понедельник. Лис пришла на службу — она работала теперь скромным каталогизатором национальной библиотеки в Вашингтоне — как обычно одна из первых, с порога окунаясь в туман скрупулезности. В первое время точность и графическое ощущение порядка были ей не то чтобы чуждыми, но неприятными в исполнении, поскольку необходимость раскладывать по местам бланки, определять компьютерные распечатки в нужные ящики, не теряя их виду наклеяны с адресами и факсовыми письмами; клеющие карандаши и прочую канцелярскую армию, все время находящуюся в передислокации, — все это ставило ее в опасное положение солиста недоброй балетной массовки, которая все де-

ласт для того, чтобы умирить центрового, постепенно сужая вокруг него свою осяду. Однако, стремясь к профессионализму, она восприняла вскоре аккуратность как своего рода наркотик, который отправлял ее в иные сферы — там сходились все микроскопические псыяски. И это и было то ступение атмосферы, которое заманивало ее на служебное место и держало там, податливую, до конца дня.

Зналось бы, все могло быть очень просто: усесться в кресло, согнуть спину, включить компьютер и через ступеньки мелких мыслей, на одну, другую, третью, и так до обеда, а потом до вечера. Но куда там. Лис даже не смогла нащупать кнопку, включающую компьютер, она лишь тихо всплеснула руками, потом стала испуганно рыться в ящиках стола, что завершили выуживанием стареньких темных очков с облупленными ободками. Надев их, она оглянулась — но никого еще не было, и, перегнувшись через спинку своего стула, взяла с соседнего стола новенький номер журнала «Премьер».

В правом верхнем углу обложки, в квадрате, обведенном несколькими линиями, была напечатана ее фотография,

взлетной полосы, но, наткнувшись взглядом на напечатанную издалека, зато точно в лоб, отменикоренный и остренький палец стюардессы, понял, что бегство провалилось. Томительно медленно, выделывая галсы, подошел он к приветливо улыбающейся Лис:

— А я самолета не заметил, — залепетал он. — Думал он вон там...

— Здесь, здесь, — ласково проговорила Лис. — Ну, вперед, по ступенечкам и на свое местечко!

— Хорошо, а... — не найдя, что сказать, он замолчал и даже как-то потянулся в самолет. Над люком нависла угроза закрытия, но Лис, проводив клаустрофоба до его кресла, еще стояла у трапа, когда из разрозненных и изменчивых полос снега появились еще две фигуры, торопливо приближающиеся к самолету. Из них особенно выделялась одна, норовящая как-то утечь от своего спутника и от самолета. Лис спустилась с трапа к ним.

— А мы от Химики. Вы сидели с ним за одной партой? Вот, мы от него. — Еще метров за двадцать начал помреж Пат, в отличие от своего шефа, режиссера, человек веселый и комфортабельный, как

мягкая мебель. — Правда, вы нас сразу узнали? У меня вот, — он поболтал склянкой с алой жидкостью. — Волшебница-химия. Для ваших ручек и, возможно, ножек. Знаете, как запах одеколона «Адонис»: для вас, а возможно и для него. — Угадывалось прозрачное намерение Пата поболтать.

Тем временем Лис неоступно подманивала их к трапу, хоть они, особенно сумрачный приятель Пата, незаметно упирались. Профессиональным краем глаза Лис наблюдала, что тот, второй, обремененный круглыми железными банками, тайком обследовал фюзеляж и прочие детали самолета, доступные глазу.

— Простите, я на работе, — прервала она Пата, чтобы принять участие в любознательности Режа.

— Пойдемте, пойдемте, — она вежливо направляла недоверчивого к глубинам подсамолета, в самый свзвоник. — И надо определиться, что вас беспокоит: надежность техники или, скажем, бомба?

Костромской поджал свои банки и губы.

— А-а, вот, — он, наконец, остановился около гайки, в заторе которой виснул ветер.

— Хотите проверить? — Лис протянула ему ключ, немедленно извлеченный из кармана. Тот строго посмотрел на авианимфу, но проверил. Вера в гайку поселилась в нем навечно, но на этот раз забеспокоила траектория ключа, завершившаяся кармаником форменного пиджака.

— Если в ваши планы не входит проверять колеса, то стоит пройти в салон — там пристежемся, не будем курить, съедем «взлетную» и а-ах! — Лис продемонстрировала несколько цыганскую эскападу, из которой вовсе не следовало продолжения. — Взлетим на воздух.

— Все вот это? — выдохнул Костромской.

Лис стала подниматься по трапу, победный Костромской — за ней. Пропустив его вперед и войдя в самолет сама, она стала закрывать дверь.

— Вы заходите? — Пат, астрейный на верхней ступеньке, никуда не спешил, обозревая нелюбопытные окрестности, словно стоя на балконе собственной квартиры.

— Если вы приглашаете... — он оглянулся вокруг, словно решая, а потом махнул рукой. — Остался бы, да вот не могу девушке отказать. Не правда ли, я галантен до невероятности?

И люк плавно закрылся. Не прошло и пяти минут, как замигала лампочка около сидения Пата. Его приятель уже спал, а сам он разулыбался, но Лис бесстрастно свела его вежливость на нет:

— Вам гигиенический пакет?

— Зачем же, право? Я тут у своего коллеги в сумке коробочку конфет обнаружил и решил вам подарить. Чего добру пропадать?

— А он возражать не станет?

— А я скажу, что он во сне их съел. Вместе с корюшкой. Он поверит, художник, — и Пат сделал знак рукой, в его представлении обозначающий художника.

Лис миновисто коробочку взяла и вернулась в отсек. Впрочем, на сладости не набросилась, а сперва обратилась к переданному ей Химиком флакону. Там был специально для нее изготовленный неземных оттенков лак. Она как раз красила ноготь на безымянном пальце правой руки (особенно сложный, если понимать в этом деле толк), когда самолет дал крен, голоса заверещали, портфели, сумки, пакеты поспыпались, отъехала шторка, отделявшая Лис от салона. Проснувшийся Костромской проследил за взглядом их соседа, пуливого молодого человека. Тот хотел видеть одну только Лис, чтобы передать ей одну только просьбу: хорошо бы ни разнику не упасть сверху вниз. От резкого крена полоса лака, который Лис наносила кисточкой на плоскость ногтя, попыталась сползти с намеченной траектории, но Лис уверенным движением ее выпрямила.

— Девушка, — заметил одобрительно Пат.

— Адресок возьми, — не то посоветовал, не то вел режиссер.

— Не, у меня от этого триппер и безденежье.

А спустя десять лет по-прежнему был понедельник, и на старом берегу океана тоже, как ни странно, оказалось солнечно, небо резало синевой глаз, мало того, полдень и тут не наступил, а значит, на аукцион можно было поспеть как раз к началу.

Домик, где проходил аукцион, был с виду неказист, но внутри отделан весьма комфортабельно. У дверей стояло 2—3 человека, ожидавших знакомых. Среди них и Пат с Химиком, которые, конечно, опоздали и не знали теперь куда даться: то ли в темнеющий зал, где Люка, как им показались, нет, то ли наоборот, в сторону его дома, чтобы перехватить по пути. Но тут пронеслось, что начинают со знаменитой хроники покушения на Годара, и они двинулись в зал.

Вид этой пары, за десятилетие только чуть более окариатурившейся, испугал Лис так, как иных пугают веселые мышки, что мирно спали в валенке в тот момент, как валенок отлетел иные решились надеть. Ее всю переторможило, чуть не стошнило и погнало прочь.

Годар, играя роль в своем же фильме, традиционно, встречался с кем-то из своих героев в бистро и, стряхивая пепел с длинной сигары в кофе к собеседнику, что-то говорил про истинный страсти — по-настоящему ничего было нельзя, черновая программа страдала помехами, — а в это время два других героя фильма, подменив, как потом стало известно, бутадорское оружие на боевое, вошли в кафе и в кадр, и на среднем плане стали растерливать своего режиссера. Продавался не оригинал, не негатив, а одна из первых копий, поэтому цены оказались вполне приемлемыми.

Выключили свет, и в зале започали языками. С целью прерваться довольно долго. Люк глянул на задние ряды: никого, кроме кельских иностранцев, вряд ли кто-то из них способен на страсти под бледными тенью на экране. И не успел он втиснуться в узкий кружок специалистов, что сидели в левом углу у сцены, как оказался окружен Патом, рыным, и Химиком, стеснительно оглядывающимися по сторонам, поджав воротничок рубашки и поглаживая на коленях брюки, желая придать им официальность.

— Ты продрых, а мы из-за тебя встали ни свет, ни заря, — устремившим шепотом зашепел Пас Люку в ухо. — А могли бы плюнуть на тебя и ехать сразу в Комитет, бланк-то у нас.

— Вы бы не теряли времени и узнали, кто ставляет здесь отрывок Костромского.

— Аноним, — сказал Химик. — И это особенно странно. Мы как раз все десять лет времени не теряли, уж как искали-то! И ничего.

Единственный отрывок при утраченном оригинале, — возвестил голос из усилителя. — Двести шестьдесят три кадра из фильма «История пишется на пляже» режиссера Костромского. Состоит из трех планов, общим хронометражем девять секунд. Весь остальной материал сторел при пожаре во время премьеры, вызвавшем смерть режиссера. В отрывке представлена рабочая склейка. Проекция будет дана дважды, второй раз — покадрово. Золотая пальмовая ветвь кинофестиваля в Кане.

Зал встретился и затих. Первый план состоял из знаменитого пейзажа, многожды описанного свидетелями единственного просмотра, но никак кроме них не виденного — залив, обрывистый берег, полоска пляжа. Видимо, это был конец какого-то эпизода, от которого в кадре уже почти ничего не осталось, кроме косых волн, словно только что проплыло тяжелое судно, да удивленно приставшего рыбака на дальнем заднем плане, смотрящего в сторону камеры. Потом дернулся крестик склейки, и в глубине кадра появилась фигура водяной лыжницы, выворачивающая за катером хитрые параболы.

— В оригинале между этими планами фигурировала Лис. Как сейчас помню, вот такой крупняк, во весь экран. А теперь нету его. Покрыли, — зашептал Пат. — Ничего без присмотра оставлять нельзя. Оборзел народ. А этот тоже про три плана говорил — цену набивал, будто мы до трех уж и считать разулись.

Тут стали показывать покадрово и рядом со склейкой действительно обнаружился хвостик в два кадра от вырезанного плана. Пат не соврал: лицо Лис во весь экран.

Люк вертел головой на своем месте, словно птица, а когда дали свет, замкнулся.

Тут уже занесся молоточек:

— Начальная цена составит 280 тысяч американских долларов!

— 295! — отозвалась левый угол зала, тот, что поближе к сцене.

— 300, — поддел дрожащим голосом задний ряд. Лис называла цену, а в голове у нее все неслось во все стороны. Это были все ее деньги — раз. Говоря цену, она не вставала, а пряталась за креслами — два. И говорила старалась измененным голосом — три.

— А вот и не в рифму! 305! — бросил Люк.

— Продано! — К Люку пристроился мужчина в скромном шерстяном костюмчике, оказавшийся представителем дирекции аукциона, и подписывая у него бумаги, заметил:

— Знаете, я раньше работал в машиностроении и должен заметить, что тут творится какой-то бред. Вы не представляете, сколько полезных агрегатов можно приобрести на такую сумму.